

Текст · 7 декабря 2020, 04:41
Никита Сологуб,

Кости в подсолнухах. Кубанский пенсионер оставлял на домах подсказки, по которым нашли останки убитой девочки, но присяжные его оправдали

Поселок Звезда — это несколько улиц, два магазина и десятки бедных домов в двухстах километрах от Краснодара. На самой окраине стоят два дома, к ним ведет грязная дорога, которую в дождь всегда размывает. Участки разделяет только сетка-рабица — при всем желании соседи не могут не слышать друг друга.

Один из домов на Новой улице окружен невысоким забором, за ним растет виноградник, лает собака и мяукают кошки. Путь в соседний преграждают хлипкие ворота; окна в невысоком строении из рыжего кирпича закрыты полиэтиленовой пленкой. В первом доме живет пенсионер Николай Мишин, раньше работавший комбайнером. Во втором — 34-летняя Татьяна Дудина. Ее дочь Света исчезла 20 июня 2016 года, ей тогда было восемь лет.

Через 3,5 года, 28 января 2020-го, полицейские обнаружили останки девочки — генетическая экспертиза установила, что именно ей принадлежат фрагменты костей, закопанные в поле рядом с поселком Первомайский, почти в восьми километрах от дома Дудиных. Еще через десять месяцев, 22 ноября 2020 года, присяжные в Краснодарском краевом суде

единодушно оправдали их соседа Николая Мишина — именно его обвинили в убийстве пропавшей девочки.

Сейчас 63-летний Мишин живет с супругой, пенсионеркой Светланой Павловной. Его соседка Дудина — с гражданским мужем Дмитрием Олейниковым и дочкой Симой^[1], ее розовый детский велосипед одиноко стоит у двери. В прошлом году, когда Сима пошла в первый класс, Татьяна несколько недель не могла ее успокоить.

«Она помнит эту школу, помнит Свету и как приходила туда вместе с ней — она все время ее вспоминала, плакала, учителя ее успокаивали, только спустя время она в конце концов как-то адаптировалась и успокоилась», — рассказывает мать.

Но теперь, когда Мишин вернулся домой после 10 месяцев в СИЗО, девочке снова страшно, говорит Татьяна Дудина, — младшая дочь все еще помнит, как искали ее сестру. «Мишины довольны и счастливы, а моя младшая дочка, когда я ее в школу утром везу, забегает в машину с разгона, так ей страшно, — говорит Татьяна. — Она все слышала и все знает. Но переехать мы не можем, а сейчас на нас снова вся эта боль нахлынула, весь этот страх».

Наутро после решения присяжных занимавшийся делом Мишина следователь Отар Намоев приехал в Звезду вместе со съемочной группой НТВ.

Через несколько часов там появилась и машина «Первого канала». Если раньше Дудины не хотели разговаривать с журналистами — «Медиазона» пыталась связаться с ними после ареста соседа — то

теперь отчаявшаяся Татьяна бесконечно повторяла журналистам историю пропажи дочери.

«Было ужасно все это вспоминать, как на распятии, иначе объяснить не могу, — рассказывала она "Медиазоне" после первого визита телевизионщиков. — "Первый" снял шикарную картинку, когда жена Мишина просто кричала, какие мы мрази, что оговорили его. А потом [сотрудники телеканала] спрашивают у меня: а что вы чувствуете, а покажите фотографии, а вернитесь в этот ужас и представьте, как все было тогда, когда Света исчезла. И я вспоминаю и возвращаюсь».

Вслед за телеканалами историей заинтересовались и другие издания — *Mash*, РИА «Новости», *Russia Today*, *Baza*, «Би-би-си» и «Комсомольская правда». Чтобы сориентироваться в потоке журналистов, не знающей латинских букв женщине из кубанской глубинки, в которой едва ловит сеть, приходилось спрашивать подсказки у маленькой дочери, а та уже гуглила незнакомые слова в интернете. Журналисты дежурили у дома Дудиных с утра до ночи, пугали местных жителей фургонами со спутниковыми тарелками и записывали деревенские слухи.

Через две недели силы у Татьяны иссякли — теперь она просит журналистов говорить только с ее адвокатом: «Я устала одно и то же каждому повторять, у меня нет на это сил. Вы не представляете, какая это боль».

Девочка пропадает

Перед исчезновением восьмилетняя Света попросила-
[2] отчима Дмитрия Олейникова покатасть ее на комбайне. Тот согласился и взял девочку с собой. Проезжая утром мимо поля на старой «семерке», Татьяна Дудина видела счастливую Свету — как оказалось, в последний раз. Около 10 утра комбайн забарахлил, Дмитрий отправил девочку домой, а сам принялся его чинить.

Вернувшись, дома Свету он не застал, но не насторожился: стояла летняя жара, у соседей были слышны крики детей, и комбайнер подумал, что дочка тоже там. Он лег спать. Около 16 часов домой вернулась и Татьяна. Дочки все еще не было. Мать искала ее по окрестным дворам, поспрашивала у соседей — не было нигде.

Татьяна позвонила в полицию — та начала поиски. Вскоре к полицейским с собаками присоединились волонтеры и казаки на лошадях — девочку искали и с земли, и с воздуха. Около месяца они все вместе прочесывали дом за домом, высушивая выгребные ямы в поисках тела пропавшей.

Усердие полицейских даже оборачивалось негодованием в адрес матери пропавшей. «Некоторые люди начинали на меня агрессивовать, типа это я им пальцем тыкаю, у кого искать, — вспоминает Татьяна. — А при чем здесь я? У меня так же и обыски были, так же и меня допрашивали без конца. Это они сами по себе работают. С каждым днем все злее все становились. Одна соседка на меня выбежала, стала орать — полицейские даже предложили написать на нее заявление, но я не стала».

Дело возбудили по статье об убийстве малолетней^[3], его расследование передали в Ленинградский межрайонный следственный отдел по Краснодарскому краю. Безработная потерпевшая не стала нанимать адвоката и практически не участвовала в следственных действиях — только несколько раз ее возили на допросы в станицу Ленинградская в 15 км от Звезды.

За одним следователем пришел другой, затем третий. В конце концов дело доверили молодому лейтенанту Отару Намоеву, недавно вступившему в должность старшего следователя первого отдела по расследованию особо важных дел управления СК по Краснодарскому краю, лишь за год до исчезновения девочки окончившему университет^[4].

За годы поисков Светы ее мать объездила все окрестные поселки и хутора, она обращалась к сотням людей, расклеила тысячи листовок, общалась с экстрасенсами, молилась в храмах. Иногда люди, прочитавшие объявление — «худощавое телосложение, волосы светлые до плеч, глаза голубые; очень быстро разговаривает, когда говорит, трогает пальцы рук, ребенок очень доверчивый» — думали, что где-то видели пропавшую. Другие и вовсе зачем-то звонили матери и говорили, что скоро привезут дочь к ней домой. Но этого не происходило — Свету больше никто не видел.

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

Подсказки мелом выводят к костям

28 января 2020 года следователь осмотрел^[5] ящик для газовых баллонов, стоявший с торца здания врачебной амбулатории в поселке Первомайский, куда регулярно ездят пожилые жители Звезды. На металлическом щите была надпись мелом: «20 06 2016 г ребенка загрызли собаки поле напротив бойни возле полосы».

Вслед за ним следователь осмотрел другое изображение — на двери гаража в семистах метрах от первой надписи. Оно напоминало схему с подписями: «гараж», «3 склад», «гсм». Рядом была пририсована фигурка лежащего человека с подписью: «тут 20 06 2016г ребенок».

В тот же день полицейские нашли кости, закопанные на поле, принадлежащем агрофирме «Соревнование» — вскоре выяснилось, что это останки пропавшей девочки.

Подняв документы, директор^[6] этой фирмы пояснил следователям, что в июне 2016 года, когда пропала Света, на поле густо рос подсолнух, и не заметить прикопанные в цветущих полях останки было несложно.

Кто и как обнаружил надписи и рассказал о них следствию, не вполне ясно. Местная акушерка^[7] говорила на допросе, что увидела надпись про «ребенка» после новогодних праздников, другая медсестра^[8], уточняла, что она обратила на нее внимание «в один из четвергов января», поскольку работала по этим дням в амбулатории вместе с терапевтом Владимиром Лаштабегом. Именно на прием к Лаштабегу по четвергам сосед Дудиных, 63-летний Николай Мишин, регулярно возил^[9] своих пожилых односельчан.

21 февраля следователь взял у Николая Мишина образец буккального эпителия и почерка — позже экспертиза обнаружила его биологический материал на сделанной мелом надписи. Еще через пять дней дома у Мишина изъяли куски мела и кувалду.

Пенсионера задержали, и он дал признательные показания. Судя по протоколу допроса, Мишин сказал, что с 10 до 11 часов утра 20 июня 2016 года он был дома — неожиданно к нему во двор забежала Света. Он прогнал девочку, но та вернулась и стала мешать ему чинить сарай.

«Мишин повторно стал прогонять Дудину с территории своего дома, однако последняя не

реагировала на его требование. Тогда Мишин нанес удар кувалдой в область головы Дудиной, от чего последняя упала, после чего он нанес еще один удар ногой в область ее ребер, — пересказаны показания Мишина в обвинительном заключении. — Осознав, что та не подает признаков жизни, он решил избавиться от трупа, погрузил тело в багажник своей машины ВАЗ-21061 и вывез в поле в поселке Первомайском, где и сбросил».

В конце января 2020-го, признавал Мишин на допросе, он оставил надпись «с указанием месторасположения трупа, так как хотел, чтобы его быстрее нашли». «Его мучала совесть, также Дудина снилась ему. В ходе допроса он на листе формата А4 воспроизвел текст, аналогичный тому, который он написал на металлическом щитке и на гараже», — сказано в протоколе.

Задержанный под видеозапись подтвердил свои показания во время их проверки на месте совершения преступления. Следующим утром СК опубликовал фотографии с этой проверки на своем сайте.

«Пальца зажимали и скрючивали»

Мишина заключили под стражу в СИЗО-1 Краснодар; он попал в камеру на 12 человек. Несмотря на обвинение в убийстве маленькой девочки, конфликтов с сокамерниками у него не возникло, рассказывает бывший арестант Артем Данилов, наблюдавший за Мишиным в течение первых нескольких дней его заключения.

«Он зашел в камеру, назвал статью, стал свою версию излагать: что он уже не первый^[10], кого задерживают по этому делу, что то ли четвертый, то ли пятый, а его взяли только потому, что он сосед этой девочки, — вспоминает бывший заключенный. — Как я понял, им надо было кого-то закрыть, потому что дело уже долго идет. Что-то он говорил, что били его, что пальцы у него опухли, потому что отбивали их. Мне показалось, что он не врет: он не раздумывал, прежде чем сказать что-то».

Данилов вспоминает, что Мишин не производил впечатление человека, который реально мог совершить такое преступление: «Дед и дед, видно, что ему страшно — сидят зеки злые — поэтому он только молчал да задавал бытовые вопросы. Помню, что у него зубов не было, он все ждал крем "Корега", чтобы челюсть вставить, а его по ошибке передали другому заключенному с такой же, как у него, фамилией».

Сам Николай Мишин отказался без адвоката отвечать на вопросы корреспондента «Медиазоны» о предъявленных ему обвинениях. Его защитница Татьяна Юдина перестала брать трубку с 25 ноября — ее клиент подтвердил, что это связано с вниманием журналистов.

Услышав вопрос о недозволенных методах ведения дознания, Мишин сказал, что ему «пальца зажимали и скрючивали», из-за чего они «были все как у боксера», а также «били толстой книгой или папкой с бумагами» по голове, после этого у него опустился отек на один глаз.

Но документальных подтверждений этому у него нет: «Я обращался в суд, но суд ничего не дал. Телесные повреждения у меня не зафиксировали. У меня много шрамов старых, а они только один шрам указали на руке и написали, что все нормально. Кроме глаза у меня было при поступлении в СИЗО указано, что очень высокое давление. Поэтому ко мне не применяли электрошок, потому что решили, что давление высокое, что это могло бы привести к летальному исходу. Один [оперативник] так и сказал: "Нельзя электрошок, потому что плохо кончится"». В пытках, по его словам, участвовали трое оперативников, двое из них работали в отделе полиции по Ленинградскому району края.

Подробнее рассказывать о пытках Мишин не стал даже юристу «Комитета против пыток» Сергею Романову. «Сейчас без адвоката говорить — это такое дело... У всех разное мнение и много негатива выливается», — туманно пояснил пенсионер.

Романов замечает, что «Комитет» прекращает около 30 процентов своих общественных расследований, поскольку не может найти доказательств применения насилия. «Часто бывает, что люди к нам обращаются спустя слишком продолжительное время, когда ни свидетелей, ни объективных подтверждений пыток уже найти невозможно, — объясняет он. — Для нас этот срок — это полгода. Кроме того, в ходе своей практики мы неоднократно сталкивались с тем, что люди заблуждались, говоря о том, что подверглись пыткам, или говорили о пытках лишь для того, чтобы как-то уйти от уголовной ответственности».

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

«Я девочку не убивал. Ее убил мой нездоровый брат»

Признательные показания Мишин подтвердил и на допросе 3 марта 2020 года — почти через неделю после задержания. Но уже врачам, в конце апреля проводившим судебно-психиатрическую экспертизу, он изложил другую версию.

При разговоре с медиками, следует из текста экспертизы, Мишин «был заметно взволнован, отвечал на вопросы после паузы, продумывая ответы», «в беседе был обстоятелен, склонен к детализации малосущественных данных». «Я девочку не убивал. Ее убил мой нездоровый брат. Он написал записку с указанием места, куда он отвез ее труп. Я эту записку нашел в старом календаре и написал, где находится девочка, мелом на [гараже в Первомайском]», — говорил он.

В ответ на указание на несоответствие этих слов предыдущим показаниями, Мишин настаивал: «Ничего не знаю, девочку не убивал. Показания давал

под давлением. На место происшествия вывозили меня ночью».

При очередном осмотре в середине мая обвиняемый на вопросы отвечал уже неохотно, указывается в экспертизе. «В отношении инкриминируемого деяния говорит: "Девочку не убивал, никуда ее не отвозил. Я не знал вообще, где этот ребенок находился и вообще ее не нашли". По-прежнему утверждает, что убийство совершил его психически больной брат. Об убийстве он узнал из предсмертной записки. На вопрос: "Так вы ударяли девочку молотком по голове?" — отвечает: "Не молотком, а кувалдой". Тут же теряет, краснеет, пытается переключить разговор на другую тему. В ходе данного исследования Мишин путается в версиях, утверждает, что записку подбросил его покойный брат, в то же время утверждает, что нашел ее в каком-то старом альбоме».

Владимир Мишин, родной брат Николая, умер 2 января 2018 года в возрасте 55 лет. В качестве причины его смерти медики указали «другие нарушения нервной системы, не классифицированные в другие рубрики; другие дегенеративные болезни нервной системы». При этом вдова Наталья Мишина сказала «Медиазоне», что единственной болезнью, от которой страдал ее муж, был хронический алкоголизм, из-за которого он не раз лежал в больницах. По ее мнению, никаких психических расстройств у покойного супруга не было, медицинских документов об этом она никогда не видела.

Впрочем, в международной классификации болезней есть отдельный класс для «психических и поведенческих расстройств, вызванных употреблением алкоголя» — поэтому можно предположить, что исследовавшие причины смерти Владимира Мишина врачи имели в виду все-таки не алкоголизм. Опрошенные «Медиазоной» врачи замечают, что под такой формулировкой может скрываться практически любое расстройство, связанное с нервной системой.

Наталья Мишина жила с Владимиром 15 лет, примерно до конца 2015-го года, в доме на окраине поселка Первомайский. По ее словам, с братом Николаем супруг почти не общался. После ссоры с мужем Наталья переехала в квартиру в том же поселке, а супруг стал жить со своей престарелой матерью. Она умерла за год до сына.

Сейчас этот дом пустует — окна заколочены, на стене мелом написан номер телефона, но абонент недоступен. Расстояние от этого дома до места, где были обнаружены останки Светы — около трех с половиной километров по проселочной дороге. Наталья Мишина говорит, что еще когда она жила с супругом, его старая машина сломалась, Владимир безуспешно пытался продать ее на запчасти и ходил пешком.

На последних допросах в конце мая и начале июня Николай Мишин отказался признавать вину. Он сказал, что никого не убивал, хотя и действительно нарисовал схему расположения останков — но сделал это из-за того, что записку с местом ему «подкинул

его ныне покойный брат». Вдаваться в подробности он не стал, сославшись на статью 51 Конституции^[11].

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

Единодушное решение присяжных

Николай Мишин попросил о суде присяжных — процесс начался в Краснодарском краевом суде в июне 2020 года. Председательствующим стал судья Георгий Поддубный. Он вел еще одно дело с присяжными, о котором недавно рассказывала «Медиазона» — тогда коллегия оправдала жителя Анапы, который под объективом видеокамеры застрелил двух человек. Всего за последние три года под председательством Поддубного в краевом суде было вынесено не менее пяти оправдательных приговоров с участием присяжных.

Чтобы рассмотреть дело об убийстве восьмилетней Светы Дудиной, присяжным понадобилось 17 заседаний. По словам ее матери, когда дело поступило в суд, представлявшая интересы Мишина на следствии адвокат Виктория Губерман отказалась

его защищать. «Она лично мне говорила, в глаза: "Я не буду его защищать, у меня у самой дети", — уверяет Татьяна Дудина. — Потом, когда мы вышли из зала [на предварительном заседании], мы стояли вчетвером с гособвинителем [Еленой Халимовой], я слышала, как Вика [Губерман] говорила, какой он хитрый, прикидывается "старичком-боровичком". Она разобралась, поняла, что он виновен, и отказалась его защищать, а организация, в которую он обратился, выделила другого адвоката». В суде интересы обвиняемого представляла в итоге Татьяна Юдина.

Сама адвокат Губерман на просьбу рассказать, что ее убедило в виновности Мишина, ответила так: «Я бы вам с удовольствием рассказала, но, так как я, к сожалению, защищала его на стадии следствия, я не могу раскрывать адвокатскую тайну».

За работу адвокатов, уверяет Дудина, Мишин заплатил огромную для односельчан сумму — порядка 200 тысяч рублей. По ее словам, эти деньги он копил, каждое лето работая на комбайне. Она утверждает, что в суде ее сосед не смог объяснить, как именно оказались у него записки брата и куда они потом делись, были они написаны прописью или печатными буквами и каким именно было их содержание.

«По сути он вообще ничего не говорил, — вспоминает Татьяна. — Только последнее слово сказал: что это он оставил надписи, что ему стало жалко меня, что ему хотелось, чтобы нашли и похоронили. Ну, понятно, это чтобы в очередной раз расчувствовать присяжных. Все из себя строил такого больного всего,

старенького, постоянно говорил, что он не работает, что он пенсионер, что глухой, слепой и несчастный. А когда приезжали свидетели, которые против него были, он сразу все начинал отчетливо слышать, орать. Прямо актер какой».

Уже после оправдательного вердикта и освобождения Николая Мишин сказал «Комсомольской правде», что нашел записку, разбирая вещи погибшего брата: «В ней было указано место, где находятся останки ребенка. Еще там было что-то вроде, что ехал на машине, сбил девочку. Он по-моему, за рулем не был, или машина просто его была. <...> Начертил схемы, потому что решил проверить, чушь в этой записке или правда. Брат пьяница был, вдруг просто привиделось». Пропала же записка, по его словам, после обыска.

Присяжные вынесли оправдательный вердикт единодушно. «Они посчитали, что событие, описанное в обвинительном заключении, доказано не было, что в это время, в этом месте и этим человеком было совершено убийство. Видимо, не хватило им доказательств, представленных стороной обвинения, поэтому был вынесен оправдательный вердикт. Такое у нас тоже бывает» — говорит пресс-секретарь суда Мария Пирогова.

Адвокат Алексей Аванесян, который стал представлять интересы матери убитой уже после вердикта присяжных, пока не получил доступ ко всем материалам дела и протоколам суда. Изучив только небольшое обвинительное заключение, адвокат предположил, что главным доводом в пользу

невиновности могли стать экспертизы останков. Если перелом черепа и двух ребер эксперты объяснили ударом кувалдой по голове и ногой по ребрам, о которых Мишин рассказывал в признательных показаниях, то вероятной причиной получения других травм, например, вдавленного перелома одной из тазовых костей, они назвали воздействие сельскохозяйственной техники — однако следователь Намоев не стал изучать, что это была за техника.

«Это не бьется с тем, что показал Мишин, и следователь этого не мог не знать, — замечает адвокат Аванесян. — Но он не назначил экспертизу, не определил дату давности этих повреждений, не определил, соответствует ли повреждения его признательным, не узнал, какая там работала техника, в какие дни, и есть ли техника с такими режущими лезвиями, которые соответствовали бы травмам, например. Конечно, это присяжными воспринимается как какая-то ложь».

Если бы следователь попытался установить, какая техника работала все эти годы на поле, где были закопаны останки пропавшей девочки, времени это могло занять немало — тракторов, комбайнов, косилок и другой пестрой техники агрофирмы «Соревнование», припаркованных неподалеку от него, не сосчитать.

11 января судья Поддубный огласит оправдательный приговор — после решения присяжных это практически формальность. После этого адвокат

Аванесян планирует обжаловать его в третьем апелляционном суде в Сочи.

Редактор: Егор Сковорода

1. Имя изменено.
2. Рассказ об исчезновении девочки восстановлен по показаниям из материалов дела и обвинительному заключению. Татьяна Дудина в очередной раз вспоминать этот день отказалась.
3. Пункт «в» части 2 статьи 105 УК.
4. Информацию о карьерном пути Намоева «Медиазона» обнаружила в еженедельной газете «23 регион», на страницах которой замруководителя следственного отдела по Темрюкскому району Кубани поздравлял коллег с днем сотрудников органов следствия.
5. Это указывается в материалах дела.
6. Геннадий Панасенко.
7. Галина Мищенко.
8. Лариса Волобуй.
9. К примеру, о том, что в январе по четвергам Мишин возил их к терапевту Лаштабегу, говорили свидетельницы Ольга Загарулько и Наталия Пархоменко; в материалах дела есть и копия медицинской карты Пархоменко, согласно которой она была у Лаштабега 9 и 23 января 2020 года.
10. Действительно ли раньше задерживали других подозреваемых по этому делу, достоверно неизвестно.
11. «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».